

Текст · 7 февраля 2021, 14:52

Юлия Сугуева,

«Ты полностью в вакууме и под давлением». Петербуржца оштрафовали за то, что он не слушался полицейского с мегафоном и выкрикивал лозунги. Он глухой и почти не говорит

5 февраля Красносельский районный суд Петербурга рассмотрел дело 45-летнего дизайнера мебели Евгения Агафонова, задержанного во время митинга 31 января, и **назначил** ему штраф в пять тысяч рублей по статье^[1] об участии в несогласованной акции, которая создала помехи транспорту.

Среди материалов, поступивших в суд из полиции, был протокол об административном правонарушении. В нем говорилось, что Агафонов «в составе группы лиц» участвовал в несогласованной акции на Адмиралтейском проспекте: вместе с другими демонстрантами скандировал лозунги «Свободу Навальному», «Мы здесь власть», «Перемен!», «Путин — вор», «Долой царя» и «Свободу политзаключенным», при этом игнорируя требования полицейского, который «неоднократно, публично, доступно» и «с использованием звукоусиливающей аппаратуры» просил собравшихся прекратить акцию.

Агафонову назначили наказание ниже низшего предела — по предъявленной ему статье предусмотрен штраф от 10 до 20 тысяч

рублей или 15 суток ареста. Суд принял во внимание, что петербуржец ранее не привлекался к ответственности и, согласно представленным им документам, имеет инвалидность III группы по слуху, а значит, лишен «возможности достоверно услышать требования сотрудников полиции о прекращении противоправных действий».

«Я глухой. То, что вы привели^[2] из энциклопедии про глухоту, очень точно описано, — объясняет Агафонов в переписке с "Медиазоной". — Я даже слуховой аппарат самый мощный не ношу, он не помогает разобрать речь — делает шум. Тут есть еще одна бяка при пандемии для всех [людей] с проблемами со слухом. Глухие и слабослышащие могут считать речь с губ — не полностью, отдельные слова. Я, например, если повезет, отдельные слова могу понять, но не всегда и не у всех. Ну вот при эпидемии у всех маски на лице, даже невозможно понять, что к тебе обращаются».

Из-за врожденной глухоты у Евгения проблемы и с речью — «местами люди не понимают, что говорю» — и с письмом: он путает буквы и пропускает слова. «Несмотря, на высшее [образование], русский язык точно не моя тема, и глухота дает [о себе] знать в правописании», — объясняет Агафонов.

Задержание

Дизайнер вспоминает, что в митинге 31 января он не участвовал, а о самой акции узнал, когда ехал на метро в букинистический магазин «Мир искусства» на Невском проспекте. Поскольку часть станций, включая и нужную Агафонову «Адмиралтейскую», в

тот день перекрыли, он вышел на «Сенной» и дальше шел пешком. По дороге он зашел в общественный туалет на Сенатской площади, а когда вышел, оказался в толпе протестующих.

«ОМОН зачистил всех протестующих, им показалось этого мало, и [они] перешли на случайных людей. Ко мне подошли двое и взяли под руки, я успел предупредить, что глухой, но [это] вызвало только недолгое замешательство, — рассказывает Агафонов в переписке. — Перед автобусом обыскали, снова задали какие-то вопросы, которые не понял, попросил написать их письменно. Разумеется, не стали, погрузили к задержанным, там уже 27 задержанных было и четверо полицейских. Они были довольно вежливые. Затем нас повезли через улицы, там хаос был из протестующих и ОМОНа. По дороге нас бойцы ОМОНа остановили: им нужно в другую точку, всех, кто впереди сидели, грубо согнали, они доехали до своего места и выгрузились».

Евгений Агафонов. Фото: из личного архива

Задержанных доставили в 74-й отдел полиции на улице Доблести и разместили в актовом зале.

Там Агафонов предъявил сотрудникам не только паспорт, но и пенсионное удостоверение о бессрочной инвалидности по слуху, объяснил, что глухой и нуждается в переводчике. Полицейские начали

совещаться и куда-то звонить, но переводчика ему так и не предоставили.

«Сообщить, что задержали, успел супруге, она слабослышащая, и друзьям. Есть знакомый переводчик, но это старая женщина за семьдесят, мысли не было ее выдергивать при пандемии из дома. [Полицейские] занялись оформлением протоколов, пошел уже четвертый час, стал сотрудничать, но совсем не ориентировался в этих казенных бумагах, где написаны номера статей, про которые ничего не знаешь, — пишет Агафонов. — Общались жестами, мимикой и писали друг другу. [Полицейские] бумаги подсовывали на подпись потоком. Я понимал, что они пользуются ситуацией, но когда первый раз сюда попал и не слышишь, что говорят за соседними столами, ты полностью в вакууме и под давлением — почти невозможно принимать правильные решения».

Петербуржец помнит, что догадался написать, что не согласен с протоколом, а объяснительную за него переписывал полицейский: «Офицер бегал с этой моей бумагой к начальству, и его три раза заставляли устранять недоработки в пожарном порядке».

После полицейские сняли у задержанного отпечатки пальцев. Агафонов объясняет: он понимал, что это незаконно, но не смог вспомнить, как можно обосновать отказ от дактилоскопии.

«Ведут куда-то вниз, ничего не объяснив, думаю, выпускают, но приводят в обезьянник и в отдельную комнату с ним. Честно, растерялся, думал, посадят, хотя не должны. Требуют снять верхнюю одежду и

закатать рукава к локтям, как проверка на уколы в вены. И тут стали готовить ролик с краской. Они, конечно, воспользовались растерянностью, откатали и сняли, — пишет Евгений. — И отпустили.

Мне показалось, что они других задержанных не выпускали за отказ сдавать пальчики — по сути, заложники. Про пальцы сильно пожалел, но поздно».

Дизайнер вышел из отдела примерно через девять часов после задержания с обязательством о явке в суд. По его словам, заседание хотели назначить на следующий день, но ему удалось убедить перенести его на 5 февраля, чтобы успеть найти сурдопереводчика и адвоката.

Суд

«В ожидании суда успел почитать заметку про еще одного глухого, задержанного там же, как его вертели в суде без переводчика. Понял, что со мной будет или так же, или еще хуже. Развил деятельность, нашел и переводчика, и адвоката. Про адвоката говорили, [что] он не нужен при административке, но [я уже] был в теме, прочитал все, что происходит с задержанными», — пишет Агафонов.

31 января в Петербурге действительно задержали еще одного инвалида по слуху — Дмитрия Панасюка. Он сообщил правозащитникам, что на заседании в Красноармейском районном суде 1 февраля ему не предоставили сурдопереводчика, несмотря на то, что он слабослышащий.

«Сообщает нам, что за него на вопросы судьи отвечает сотрудник полиции. Какие ему задают

вопросы, он не знает», — писал в твиттере глава правозащитной группы «Агора» Павел Чиков. Вскоре Панасюка отпустили из суда под обязательство о явке.

На заседании 5 февраля, когда Агафонову назначили штраф, защита настаивала: полицейские вписали в протокол, что задержанному разъяснены его права, хотя это по очевидной причине невозможно. Но судья даже не стала прислушиваться к этому доводу, говорит адвокат «Апологии протеста» Сергей Локтев, представляющий интересы дизайнера.

«В протоколе об административном правонарушении и в других документах, которые представили сотрудники, сказано, что ему якобы разъяснялись права. То есть там стоит графа, что права, предусмотренные статьей 51^[3] Конституции и статьей 25.1^[4] Кодекса об административных правонарушениях "мне разъяснены и понятны". Однако же тексты самих статей в этом протоколе не приведены, он прочитать их в этом протоколе не мог, соответственно, положение этих статей сотрудники должны рассказать задержанному. Естественно, они объяснить ему это не могли», — рассуждает адвокат Локтев.

По словам защитника, он ходатайствовал о вызове в суд сотрудников полиции, которые через громкоговорители предлагали протестующим разойтись, задерживали Агафопова и составляли протоколы, но суд эту просьбу отклонил.

«Есть рапорт, что требования доводились до участвующий лиц, в том числе Агафонова, с использованием звукоусиливающей аппаратуры. Он их не выполнил, несмотря на то, что на прекращение у участников было десять минут. Как минимум, это цинизм: "Мы глухому говорили прекрати или мы тебя арестуем, а он, сволочь такая, не услышал, и мы его за это арестовали". Это театр абсурда», — возмущается Локтев.

Согласно постановлению суда, единственное доказательство вины Евгения — это рапорты полицейских, отмечает адвокат. «Я так понимаю, расчет был на то, что не явится [в суд] и без его участия вынесут решение», — полагает защитник.

Сам Агафонов говорит, что и не надеялся «выиграть даже со своим трешем», поскольку суд «обслуживает полицию» и беспристрастности от судей ждать не приходится.

Локтев называет постановление Красносельского районного суда незаконным и нарушающим фундаментальные права человека; защитник обжалует его в Петербургском городском суде.

«Я наивно полагал — 70 на 30 — что у нас будет постановление о прекращении административного производства ввиду отсутствия события правонарушения и ввиду того, что тот административный материал, который был составлен, не может использоваться в качестве доказательства. Если не будет отмены [решения в городском суде], мы уходим в ЕСПЧ, — обещает Локтев. — Безобразное дело, которое показывает

всю проблематику российского правосудия. У нас пачками заводят эти административные дела. Они типовые, там стоят прочерки под фамилию, имя, отчество, дату рождения, место жительства и задержания и объяснение, остальное все один в один. То есть сотрудники пачками штампуют эти протоколы, пачками отвозят их в суд, [а суды] пачками штампуют постановления».

Словно в подтверждение слов адвоката, в постановлении суда вместо Евгения Агафонова дважды упомянут некто Макеев Р.В. «Оценивая приведенные доказательства, суд полагает, что они являются относимыми, допустимыми, а в целом достаточными для признания Макеева Р.В. виновным в совершении административного правонарушения», — гласит документ, скрепленный подписью судьи Юлии Ушановой.

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. Часть 6.1 статьи 20.2 КоАП.
 2. Отрывок из словарного определения, которое корреспондентка «Медиазоны» прислала Агафонову в начале переписки. «Глухота (-surditas) — полная утрата или наиболее резкая степень поражения слуха, при которой сохраняются остатки слуха, позволяющие воспринимать очень громкие неречевые звуки (свисток, гудок) или хорошо знакомые слова, произнесенные громким голосом около уха. Разборчивое восприятие речи при глухоте невозможно».
 3. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.
 4. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе знакомиться со всеми

материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью защитника, а также иными процессуальными правами.